

11. Старук М.М. Эвфемия как инструмент создания имплицитности в политической коммуникации / М.М.Старук // URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw8/staruk-evfemiya.html>

Авторы публикации

Ситдикова Фарида Бизяновна –
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия.

Email: farida7777@yandex.ru

Authors of the publication

Sitdikova Farida Bizyanovna –
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Email: farida7777@yandex.ru

УДК 81'1

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СДЕРЖАННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБВИ В НЕМЕЦКОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Смоленцева

SmolencevaMV@volgattech.net

*Поволжский государственный технологический университет,
г. Йошкар-Ола, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматриваются формы языковой сдержанности и молчания для создания романтического эффекта в немецком песенном дискурсе. Кроме того, в исследовании предпринята попытка рассмотрения, в какой степени данные лингвистические приемы находятся внутри дискурса и можно ли их использовать в качестве спорных стратегий.

Ключевые слова: языковая сдержанность, молчание, немецкий песенный дискурс, любовь.

LINGUISTIC RESTRAINT AS A MEANS OF EXPRESSING LOVE IN GERMAN SONG DISCOURSE

M.V. Smolentseva

SmolencevaMV@volgatech.net

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia

Abstract. This paper discusses forms of language restraint and silence to create a romantic effect in German songs' discourse. In addition, the study seeks to consider the extent to which these linguistic devices are within the discourse and whether they can be used as controversial strategies.

Key words: language restraint, silence, German songs' discourse, love.

Языковая сдержанность в романтическом контексте имеет давнюю традицию. Об этом уже свидетельствуют средневековые любовные рыцарские песни. В «*Lindenlied*» Вальтера фон дер Фогельвейде, например, *gebrochen bluomen unde gras* свидетельствует об общезвестном цветочном и косвенном акте любви, практикуемому в этот момент. Языковая сдержанность имела и другие коммуникативные функции. Угрожающим жестом считалось, когда, например, поэт ставил «собственное пение или воздержание от пения в зависимость от приказа хозяйки» [4, с. 198] и таким образом ставил ее в крайне запутанную ситуацию. Возлюбленная подвергалась давлению ожиданий придворного общества, миннезингера просто ждали, и поэтому адресат миннезингера не был волен решать, слушать ли его или нет. Попытка хранить молчание могла навредить их репутации [4, с. 193-213].

Языковая сдержанность и молчание в любовном дискурсе не являются равными, но считаются близкими родственными, которые являются полюсами шкалы и характеризуются некоторым пересечением областей этой шкалы и, следовательно, имеют перекрывающиеся характеристики. Однако в то время как молчание рассматривается как отсутствие вербальных кодов, вербальное сдерживание больше концептуализируется как непрямая коммуникация, связанная с осторожными, двусмысленными или расплывчатыми вербальными высказываниями.

Теперь, на первый взгляд, кажется парадоксальным рассматривать языковую сдержанность и молчание с лингвистической точки зрения. Наконец, молчание особенно характерно тем, что в нем нет высказываний. Однако обращение к этой теме дает нам представление о взаимоотношениях между языком

и эмоциями, потому что очень часто неспособность выражать эмоции воспринимается как признак их особой глубины [6, с. 234-244].

В этой статье будут рассматриваться словесное сдерживание и молчание, которые используются в разных формах. Это дает понять, насколько вовлеченные люди имеют дело с конкретной формой коммуникации. Они осознают преимущества и недостатки конкретных параметров и целенаправленно действуют на фоне этих знаний. Также интересно исследовать, в какой степени языковая сдержанность и молчание находятся внутри дискурса и можно ли их использовать в качестве спорных стратегий.

Попытка найти ответы на эти вопросы изначально основывается на категоризации различных типов языковой ограниченности. Данное исследование основано на анализе лирических немецких песенных текстов.

Существуют различные причины, по которым языковая ограниченность (а, следовательно, и эта тишина) находят свой путь в любовном дискурсе. К ним относятся стыд, отсутствие уверенности в себе, осмотрительность, самозащита или даже наказание. Языковая сдержанность и молчание также могут быть подавлены собственными чувствами и связанной с этим неспособностью подобрать языковые эквиваленты для интенсивных ощущений. В повседневном дискурсе люди любят говорить о психологической проблеме, связанной с процессом языкового производства. В исследовательской литературе проблема трактуется как языковой скептицизм [6, с. 235]. Язык просто не рассматривается как адекватное средство выражения глубоко переживаемых эмоций. Молчание, с другой стороны, может передать интенсивность и уникальность чувств человека.

Подобного рода мощные эффекты, вызванные сдержанностью и тишиной, известны в межличностных отношениях. Вы можете увидеть результат безмолвия или неспособности говорить или быть использованным в качестве стратегии. Особенно в романтических контекстах находятся те, кто вовлечен в сложную ситуацию.

К формам языкового сдерживания можно отнести: паузы для усиления эмоционального эффекта, защитное молчание – утаивание информации как форма самозащиты, молчание как кокетливое поведение, избегание, аллюзии.

Паузы в разговоре, как описано выше, не являются чем-то необычным, иногда они являются результатом психологического воздействия, когда влюбленные не могут говорить ввиду переживаний, например, из-за расставания („*In Amerika wär's viel schöner/ wär die Lina auch dabei;/ und mein Herz wird immer schwerer (Pause),/ und es wird so schwer wie Blei.*“ [7] («В Америке было бы

намного лучше,/ если бы Лина тоже была там;/ и на сердце становится тяжелее (пауза)/ и оно становится тяжелым, как свинец.») В той или иной интерпретации эмоциональное напряжение, которое усиливается по мере увеличения пауз собеседника, может привести к тому, что другой человек изменит или даже пересмотрит свое отношение к определенному предмету. Это не обязательно означает, что изменившееся отношение принимается как «убедительное», но этого может быть достаточно для достижения в определенный момент целей разговора, поставленных собеседником.

Пауза также может быть растолкована как растерянность, незнание, что сказать: «*Und mein erstarrend Zunge spricht:/ Mein Herz bleibt an dir hangen!*» [3, с. 9] («И мой онемевший язык говорит:/ Мое сердце остается связанным с твоим!»). Словосочетание *mein erstarrend Zunge* несет сильную эмоциональную нагрузку и производит на реципиента огромное впечатление. Паузы могут быть использованы как бессознательно, так и осознанно, и они могут иметь дискурсивно-мотивирующий эффект („*Ob auch der kalte Tod zerbricht/ Mir meinen Leib: mein Angesicht/ Schaut nach dir mit Verlangen,/ Und mein erstarrend Zunge spricht:/ Mein Herz bleibt an dir bangen!*“ [3, с. 9] («Разорвет ли холодная смерть/ мое тело: мой взгляд следит за тобой с тоской,/ И мой онемевший язык говорит:/ Мое сердце трепещет из-за тебя!»)).

Часто защитное молчание используется в лирическом песенном дискурсе, когда главные герои тайно влюблены, и нет возможности по той или иной причине во всеуслышание кричать о своей любви. Это и является утаиванием информации, формой самозащиты «*Auf meinen Wangen müßt man`s brennen sehn,/ Zu lessan wär`s auf meinem stummen Mund,/ ein jeder Atemzug gäb`s laut ihr kund,/ Und sie merkt nichts von all` dem bangen Treiben:/ Dein ist mein Herz und soll es ewig bleiben*» [5, с. 20] («Надо видеть, как горит на моих щеках,/ Ты мог прочесть это на моих немых устах,/ Каждый вздох сказал бы ей вслух,/ И она ничего не замечает из всех тревожных дел:/ Твое сердце - мое и останется им навсегда.») или „*Froh sah ich dich aufblühn,/ du freudiger Held,/ lang folg ich dir schwebend/ und schweigend gesellt./ Oft küßt' ich des Schlummernden/ Schläfe gelind/ und leise die Locken,/ die dir wehen im Wind.*“ [7] («Я рад видеть, как ты расцветаешь/ ты, радостный герой,/ Я буду следовать за тобой, плавая / и молча./ Я часто целовал тебя дремлющую/ нежно/ и нежно кудри твои ласкал,/ которые развивались по ветру.»). Словосочетания *auf meinem stummen Mund* и *schweigend* говорят о невозможности выразить свои чувства словами, но свидетельствуют о сильном эмоциональном переживании.

Анонимность высказываний существует особенно в любовном дискурсе, когда речь идет о неразделенной любви, и одной из заинтересованных сторон остается лишь только молчать о своей любви и страдать („*Wenn einer lieben will, und Sie nicht will, der muß auf die Seite, Seite Steh'n. / muß Schweigen Still.*“ [8, с. 92] («Если кто-то хочет любить, / а Вы не хотите, / он должен стоять в стороне, в стороне молча.»)).

Языковая сдержанность и молчание также могут быть использованы как поддерживание ни к чему не обязывающих отношений между партнерами по общению. Они допускают неясность и двусмысленность [4, с. 193]. Теоретико-дискурсивная перспектива показывает, что языковая сдержанность и молчание оказывают значительное влияние на процесс общения. Вы можете справиться как с приятными, так и со сложными ситуациями и, следовательно, с сильными чувствами. Часто молчание используется влюбленными как инструмент привлечения или заигрывания с партнером, и воспринимается реципиентом как кокетливое поведение („*Häuser, Gärten, Hecken, Zäune, / bunte Wäsche weht im Wind. / Hemdchen, Höschen, seidenfeine, / sag mal, Mädchen, Sind es deine? / Sag mal, Mädchen, sind es deine? / Die so rosa sind. / Und das Mädchen grüßt mich munter, / winkt mir fröhlich lachend zu.*“ [1, с. 49]) («Дома, сады, живые изгороди, заборы, / красочное белье развевается на ветру. / Кофточки, трусики, шелковистые, / скажи мне, девушка, это твое? / Скажи мне, девушка, это твое? / Такие розовые. / И девушка встречает меня весело, / машет мне, радостно смеясь.»). Влюбленный юноша не получает ответа от своей пассии, только лишь улыбку, все ее поведение говорит о ее кокетливом поведении.

Стратегии избегания, которые также часто встречаются в любовном дискурсе, могут быть тесно связаны с тактиками защитного молчания либо с кокетливым поведением для создания эффекта загадочности, неопределенности, когда один партнер желает привлечь внимание партнера своим невниманием, холодностью, молчанием: „*Mein Kind, ich warnte dich: / "Die Masche kenn ich! / Wehrst du die Hand nicht ab, / Find` ich ein jahes Grab! / Du aber lächelst bloß? / Das bringt mich um! -/ Ich reiß mich von dir los.*“ . [1, с. 136] («Дитя мое, я предупреждал тебя: / «Я знаю этот трюк! / ты не противишься моей руке, / Я найду могилу!» / Но ты просто улыбаешься? / Это убивает меня! -/ Я отрываюсь от тебя»). Автор вербализует равнодушие возлюбленной при помощи глагола *lächelst*, этот глагол несет сильную эмоциональную нагрузку и является следствием фразы *Das bringt mich um*, что является очевидным доказательством неприятия языкового молчания партнера.

Аллюзии по существу соответствуют стратегиям, используемым в любовной рыцарской поэзии средних веков. Люди часто воздерживаются от вербализации своих сексуальных фантазий. Это происходит от стыда и/или потому, что это противоречит нормам их воспитания [2]. „*An zwei Stunden bin fürwahr/ Vor Euer Thür gestanden;/ Hab gemeint wär Schier zwei Jahr./ Kämet nit zu mir hierdar,/ G'schweig mit Liebeschanden./.../ „Annelein, o Annelein, Habt denn kein Erbarmen,/ Dass ich darf zu Euch hinein,/ Eurer süßen Lieb mich freun,/ Itzt in Euren Armen?“* [3, с. 120] («Два часа я стоял перед твоей дверью; / Я думал, что это будет почти два года./ Не приходи ко мне сюда,/ Молча со стыдом./.../ «Аннелейн, о Аннелейн,/ Неужели ты не можешь меня помиловать ,/ чтобы мне войти к тебе,/ радоваться твоей сладкой любви,/ ныне в твоих объятиях?») Глагольная лексема *freun* (радоваться) используется для игры с двусмысленностью. *Freun* не означает «радоваться», «веселиться» или «танцевать». Часто в текстах песен неопределенность лексем *Freude*, *freun* контекстуально ограничена, что говорит о сексуальной активности как о потенциальной референтной области.

О сексуальном характере также свидетельствует глагольная лексема *schweigen* (молчать), когда главный герой принуждает свою возлюбленную молчать, чтобы совершить с ней действия сексуального характера: „*Wo find ich denn dein Kämmerlein,/ säuberliches Mägdelein?“/ „Bei der Küchen an der Wand,/ Halte dich nur auf die rechte Hand./ Schweig Still, Schweig Still, schweig Still/ und laß dein Fragen Sein!“* [1, с. 43] («Где мне найти твою комнатку,/ аккуратная девчушка?»/ «У кухни на стене,/ Просто держи правую руку./ Молчи, молчи, молчи / и оставь свои вопросы!»). Восклицательный знак, по-видимому, служит для того, чтобы вернуть инициатору его уверенность в себе, а также его уверенность в интуиции, которую ему дала первая встреча. Пространство проекции, созданное аллюзией, которое он сам, возможно, считает слишком смело открытым, на что первоначально указывает уход на формальный уровень, теперь он ограничивает дальнейшим намеком на поцелуй. Эта аллюзия используется вместе с вопросом *Wo find ich denn dein Kämmerlein,/ säuberliches Mägdelein* - автор хочет убедиться перед следующей встречей, испытывает ли адресат подобные чувства и допустит ли физическую близость. Так инициируются своего рода переговоры о ходе сближения. В большинстве случаев намеки используются для флирта или иного возбуждения полового влечения. Темы дискурса касаются сексуальности и открывают пространство для связанных ментальных проекций.

Итак, языковая сдержанность в романтических контекстах выполняет коммуникативные функции. В данном исследовании было показано, что паузы

могут использоваться для психологического воздействия. Молчание, а также стратегии избегания могут выступать как защитная форма поведенческой реакции, либо как кокетливое поведение относительно партнера. Аллюзии и сокрытие сиюминутных реальностей – это стратегии, которые открывают пространство для фантазий, проекций и иллюзий. Такие пространства наполнены положительными качествами, воображением.

Литература

1. 66 kesse Lieder mit Black's und Gags : ein Taschenbuch für alle unernsten Anlässe / Christel Popki; Helmuth Hinnergk; Detlev Schüler. Berlin: Lied der Zeit, 1977. – 191 S.
2. *Bahlo, Nils* Let's talk about Sex – Vulgärer und Sexualisierter Sprachgebrauch Jugendlicher als Thema im Projektunterricht // Aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur. – 2012. – Nr. 8,01. – S. 48–60.
3. *Ditfurt F.W.* Fünfzig ungedruckte Balladen und Liebeslieder des XVI Jahrhunderts mit den alten Singweisen. Gesammelt und hrsg. Von Franz Wilh. Freiherrn von Ditfurth. – Heilbronn: [s.n.], 1877. – 125 S.
4. *Domke, Christine / Vollmann, Justin* Merkmale des Unsagbaren. Überlegungen zum Verschweigen als zentralem Bestandteil der Liebeskommunikation // Aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur. – 2008. – Nr. 3. – S. 193–213.
5. *Dorenwell K.* Doutches L'ibesl'eben in L'ib und Sprukh. Iyn Bukh fyrs doutche Haus. – Stuttgart: Griner&Pfyffer, 1900. – 483 S.
6. *Schwarz-Friesel Monika* Sprache und Emotion. Tübingen / Basel: A. Francke. – 2007.
7. Volkslieder aus aller Welt // URL: <https://ingeb.org/Lieder.html>
8. Volkstümliche Lieder, Balladen und Moritaten, wie sie in Onstmettingen gesungen werden. Alte Lieder. / Christian Baumgärtner, Dr. Wiegand Stief, Dale Jayane. – Onstmettingen: Arbeitskreis Kasten Onstmettingen, 1990. – 242 S.

Авторы публикации

Смоленцева Мария Владимировна –
кандидат филологических наук, доцент,
Поволжский Государственный Технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия.
Email: lovelygirl771@mail.ru

Authors of the publication

Smolentseva Maria Vladimirovna –
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
Email: lovelygirl771@mail.ru